

Ассоциация исследователей эзотеризма и мистицизма
Учебно-научный центр изучения религий
Российского государственного гуманитарного университета

МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

МИСТИЦИЗМ И ЭЗОТЕРИЗМ В РОССИИ
И ДРУГИХ СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

*Девятая всероссийская научная конференция
с международным участием*

9 – 11 ноября 2017 г., Москва

Издательство Русской христианской гуманитарной академии

Санкт-Петербург
2018

УДК 141.33
ББК 86
М 65

М 65 **Мистико-эзотерические движения в теории и практике: мистицизм и эзотеризм в России и других странах постсоветского пространства.** Сб. материалов Девятой всероссийской научной конференции с международным участием (9–11 ноября 2017 г., Москва) / Отв. ред. и сост. С. В. Пахомов. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2018. – 254 с.

ISBN 978-5-88812-947-0

В течение многих столетий на обширной территории, которую занимают в настоящее время многочисленные государственные образования, в разное время входившие в состав России и СССР, действовали разнообразные мистико-эзотерические движения. Современное эзотерическое пространство России и постсоветских стран также изобилует множеством сообществ, школ и отдельных персон. Об исторических, философских, психологических, культурных, литературных и прочих аспектах мистицизма и эзотеризма, объединенных общей региональной темой, рассуждают авторы статей, созданных на основе докладов, которые были прочитаны в ноябре 2017 г. в Российском государственном гуманитарном университете в рамках регулярной (девятой по счету) конференции АИЭМ «Мистико-эзотерические движения в теории и практике».

УДК 141.33
ББК 86

ISBN 978-5-88812-947-0

© Коллектив авторов, 2018
© С. В. Пахомов, составитель, 2018
© Издательство РХГА, 2018

ВВЕДЕНИЕ

С. А. Панин

ДИСКУССИИ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЭЗОТЕРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Введение

Эзотерические учения и практики имели неоднозначную репутацию на всем протяжении истории западной культуры. Это оказалось настолько заметной их особенностью, что американский исследователь истории магии Майкл Бейли даже выдвинул идею о том, что неопределенность и неоднозначность следует считать центральными характеристиками магии как культурного феномена. В таком случае моральные и непосредственно связанные с ними правовые дебаты, возникающие вокруг магии, могут рассматриваться как следствие ее неопределенной природы и ее противопоставления повседневной стороне культуры [Bailey 2017: 61].

Отношение к эзотерическим практикам менялось в западной культуре довольно значительно в Новое время. Характерное для Средневековья и раннего Нового времени восприятие «колдовства» как оппонента «религии», подразумевавшее осуждение с конфессиональных позиций, постепенно сменилось просветительским подходом, в рамках которого соответствующие учения и практики стали рассматриваться как суеверие. Одновременно менялись доминирующие формы наказания и полемики: на смену обвинениям в ереси и поклонению дьяволу пришли обвинения в мошенничестве и подозрения в безумии, ставшие с XVIII в. наиболее распространенным вариантом полемики против предполагаемых «колдунов». Этот процесс соответствует выделению

в XVIII в. сциентизма как особой формы мировоззрения, претендующей на «научный подход» ко всем явлениям действительности и ставящей своей задачей борьбу с конкурирующими формами мировоззрения (подробнее об этом см.: [Панин 2017]).

Полная отмена правового преследования за колдовство – явление относительно новое, окончательно установившееся в европейских правовых системах лишь к середине XX в. [Bailey 2017: 79]. При этом на уровне массовой культуры восприятие колдовства как преступления или, во всяком случае, опасного отклонения от нормы продолжает играть значимую роль. В пользу этого свидетельствует то, что и в XX в. в Западной Европе случались убийства предполагаемых «ведьм» их разгневанными жертвами [Ibid.: 61]. Следовательно, можно говорить о том, что различные дискурсы в отношении «колдунов», «экстрасенсов» и других эзотерических практиков в современном обществе продолжают сосуществовать друг с другом.

В данной работе мы рассмотрим, как указанные дискуссии разворачиваются в современной России, какие представления об эзотеризме воспроизводятся здесь в общественном сознании, как они соотносятся с научными знаниями об эзотеризме, как они определяют законодательные решения и правоприменительную практику, и как эти решения влияют на современное российское общество. Однако прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, необходимо сделать краткий исторический экскурс, который поможет составить более целостное понимание нынешнего положения вещей.

Исторический контекст

Отношение к эзотеризму в России менялось с течением времени. На рубеже XIX – XX вв. Российская империя вместе со всей Европой пережила «магический ренессанс», произошедший во многом вопреки правовой системе империи, в которой эзотерические издания имели неоднозначный статус и нередко оказывались объектом цензуры. Впрочем, обойти эту цензуру было довольно просто: многие тексты издавались за рубежом на русском языке и затем ввозились в Россию.

После революции 1917 г., в первой половине 1920-х гг. советская эзотерика пережила период своего пышного, но «дикого» расцвета. Ограничительные нормы имперского законодательства оказались недействительными, а новые власти еще не выработали позицию по этому вопросу. Но после прихода и утверждения у власти Сталина уже в середине 1920-х гг. эзотерические учения и сообщества стали объектом атаки со стороны государственных структур – при этом именно члены эзотерических групп оказались одними из главных мишеней сталинских репрессий.

Но и после завершения Большого террора жизнь эзотериков в Советском Союзе не стала легче. Некоторые были высланы в далекие провинциальные города, другие оказывались в психиатрических клиниках на принудительном лечении, третьи лишались работы. Несмотря на угрозу для своей карьеры и, в целом, личного благополучия, советские эзотерики издавали самиздатом или тайком ввозили на территорию СССР эзотерическую литературу, собирались на подпольных и полуподпольных кружках.

Либерализация официальной политики в конце 1980-х и 1990-х гг. породила возможность нового расцвета советской и российской эзотерики, но развитие это было, как и в послереволюционный период, «диким», т. е. скорее оставалось «за скобками» внимания законодателей, чем конструктивно инкорпорировалось в социальные процессы. Свободное бытование эзотерических практик обуславливалось не выработкой более взвешенного отношения к ним в российском законодательстве и в обществе в целом, а скорее общей слабостью государственного аппарата, отвлеченного другими проблемами.

Что же до массового сознания, то в нем продолжают занимать центральное место стереотипы, отчасти восходящие к советскому прошлому, отчасти навеянные антиэзотерической полемикой с религиозных позиций. Как следствие, эзотерика в массовом сознании россиян оказывается одновременно бесполезной и опасной, верой в то, чего нет, и бесовщиной, бессмысленной забавой и заговором эзотериков-экстремистов, владеющих миром. Отношение к магии и колдовству в современной России характеризуется сочетанием противоречивых дискурсов. При этом вера в «колдовство» распространена достаточно

широко. Примерно половина населения верит в магические практики в том или ином виде [Предсказания, колдовство, спиритизм 2015]. Каждый четвертый уверен, что лично сталкивался с «колдовством, наведением порчи, сглазом» в течение жизни, при этом каждый пятый испытывает к практикующим магию страх или неприязнь, а 15% опрошенных характеризуют их как «аферистов» [Колдовство, сглаз, порча 2016]. Именно такое сочетание сложных и напряженных дискурсов во многом определяет характер дискуссий о правовом статусе эзотерических объединений в современной России. Роль академических исследователей в его конструировании при этом минимальна, а их место, как правило, занимают либо религиозные деятели, либо «борцы с суевериями» и «популяризаторы науки».

С некоторой долей условности можно выделить четыре основных модели дискурса об эзотеризме. Эти модели можно обозначить следующим образом: «эзотеризм как преступление», «эзотеризм как психическое расстройство», «эзотеризм как опасное заблуждение», «эзотеризм как нормальное явление». В настоящей статье мы рассмотрим каждую из этих моделей и то, как соответствующая форма дискурса преломляется в социальной практике.

Эзотеризм как преступление

Наиболее радикальная полемическая стратегия репрезентации эзотеризма предполагает его рассмотрение во всех или, как минимум, некоторых проявлениях в качестве преступного деяния.

Одна из наиболее частых практических реализаций этой стратегии состоит в том, чтобы рассматривать эзотеризм как мошенничество. Обобщающее определение эзотериков, прежде всего тех, для кого эзотерические практики становятся источником заработков, как «мошенников» сегодня широко распространено в СМИ и в повседневном общении. Например, в статье на сайте «Pravda.Ru» от 16 декабря 2015 г. под характерным названием «Профессия – “колдун”, суть – мошенник» полицейский Андрей Медведев, выступающий в качестве эксперта, характеризует «экстрасенсов» следующим образом: «В массе своей это

легкие психологи, которые объединяются в группу с целью извлечения прибыли. В основном, их интересуют деньги. Никакой помощи гражданам они реально не оказывают» [Тимошкина 2015].

Однако возможность транслировать подобные рассуждения в правоприменительную практику без дискриминации определенных социальных групп вызывает серьезные сомнения. Вера в действенность эзотерической практики мало чем отличается от веры в действенность религиозного ритуала. Однако правоприменительная практика не подразумевает наказание Русской православной церкви или конкретного священника после падения освященной ракеты или аварии освященного автомобиля. Следовательно, в равной мере было бы ошибочным наказывать и колдуна, который провел магическое освящение автомобиля или сделал, к примеру, приворотное зелье, которое не сработало – разумеется, если договор между клиентом и колдуном не включал гарантии результата.

Тем не менее атаки на эзотерические группы по подобным соображениям являются вполне обыденными. В этих случаях государство и СМИ де-факто берут на себя функции по различению правильной метафизики (например, православной) и неправильной (например, теософской), а претензии состоят не в самом деянии, а в том, что оно совершено в рамках «неправильной» метафизики. Ведь прокурор или судья, не будучи ясновидцем, не может проверить, снят ли, например, сглаз или венец безбрачия, а значит, и о том, что услуга не оказана, объективно говорить не приходится. Далее, поскольку инструментов верификации метафизик не существует, решения в данной области принимаются произвольно, на основании того, какие метафизики кажутся более «традиционными», «респектабельными» и др. Поэтому о подобных случаях уместнее говорить как о наказании за колдовство, а не как о наказании за мошенничество.

В последние годы обвинения в мошенничестве начали дополняться обвинениями в экстремизме. При этом нередко происходит интеграция антиэзотерического дискурса в более широкий антисектантский дискурс, в котором «секты» рассматриваются как сообщества, занимающиеся различными формами криминальной деятельности, в том числе экстремистской направленности. Примером подобного

срастания антиэзотерического, антисектантского и антиэкстремистского дискурсов может служить недавний процесс по делу Светланы Пеуновой, известной также как Светлана Лада-Русь.

Пеунова по образованию психолог, а учение, распространяемое через ее «Академию развития», представляет собой разновидность нью-эйджа с российским колоритом и уклоном в популярную психологию. Наиболее ярким его аспектом, часто упоминаемым в СМИ, является представление о воздействии на жизнь землян рептилий-анунаков с планеты Нибиру – концепция, которую Пеунова заимствует, со ссылками, у Дэвида Айка и Захарии Ситчина. Помимо этого, в своих работах Пеунова ссылается на тексты Рерихов, Порфирия Иванова, Владимира Мегре, из зарубежных авторов – на Сатъя Саи Бабу, автора «Евангелия эпохи Водолея» Леви Доулинга и супругов Пророфов, создателей «Церкви вселенской и торжествующей».

Интересно, что Пеунова также являлась лидером небольшой политической партии «Воля», которая, собственно, и была признана экстремистской. Вовлеченность в политику в сочетании с элементами эзотерического учения как фактор риска вызывает ассоциации с более ранним подобным случаем – арестом в 2006 г. Григория Грабового. Но между ними есть некоторая разница: Грабового не обвиняли в экстремизме, его обвинили в мошенничестве, на основании утверждений о возможности исцеления от болезней и воскрешения умерших с помощью его метода. Таким образом, можно констатировать эволюцию полемического дискурса и правоприменительной практики за десять лет между 2006 и 2016: от обвинений в мошенничестве – к новой формуле «мошенничество плюс экстремизм», которая за прошедшие десять лет прочно вошла в правоприменительную практику.

Впрочем, в новостных сюжетах оба случая освещались похожим образом, с преобладанием ссылок на «мошеннический» и «сектантский» характер деятельности. «Мочить секту – богоугодное дело», – отмечала журналистка «Новой газеты» в статье об аресте Грабового в 2006 г. [Милашина 2006]. А в 2016 г., в репортаже на сайте НТВ о штурме дома Пеуновой читаем: «Объединение, которое сама Светлана Пеунова называет Академией развития, эксперты-религиоведы считают тоталитарной деструктивной сектой. По их словам, налицо

все признаки сообщества, которое зарабатывает на обмане и страданиях людей» [Спецназ нагрязнул 2016]. Характерно при этом, что понятие «тоталитарная деструктивная секта», используемое журналистами, в религиоведении не используется вовсе, а является инструментом из арсенала православных богословов-«сектоведов», профессионально занимающихся полемикой с неправославными религиозными и эзотерическими движениями.

Помимо конструкции «мошенничество – сектантство – экстремизм» существует и альтернативная версия первой стратегии, в рамках которой предлагается наказывать не эзотеризм как таковой, а только преступные деяния, совершенные с его помощью, как, например, убийство с помощью проклятия, нанесение вреда здоровью магическими действиями и т. п. В феврале 2017 г. депутат Владимир Петров, например, предложил законопроект о запрете черной магии, по поводу которого отмечал: «Люди, которые заявляют, что используют черную магию, наводят сглаз, порчу, не должны в принципе заниматься этим. Черная магия должна приравниваться к спецсредствам. Если она действительно существует и будет доказано, этим должны заниматься ФСБ или другие силовые ведомства. Люди, которые занимаются белой магией, пусть оказывают помощь, гадают» [Федорова 2017]. Применимость такого подхода, однако, наталкивается на закономерную трудность, связанную с необходимостью признания действительности магических практик, на что законодатели в настоящее время, очевидно, не готовы.

Следует отметить, что тиражирование взгляда на колдовство как преступление не безобидно и может провоцировать моральную панику. Оно приводит к росту социальной напряженности, а та, в свою очередь, ведет к насилию, которое, к сожалению, уже стало частью нашей социальной реальности. В статье «Свободной прессь» от 19 мая 2017 г. упоминаются сразу два недавних случая линчевания потенциальных колдунов: «Не так давно 74-летний житель Псковской области сжег живо свою соседку, сочтя, что она практикует черную магию и наводит на него порчу. А в забайкальском городе Балей 41-летняя женщина и ее знакомый в состоянии алкогольного опьянения расправились с 46-летней местной жительницей, которую заподозрили в колдовстве» [Полянская 2017].

Это демонстрирует, как нагнетание страха может перерасти в реальные акты насилия, которые становятся новой социальной проблемой. Общества, сталкивающиеся с этой проблемой, вынуждены предпринимать усилия и искать способы снижения уровня агрессии для того, чтобы преодолеть такого рода социальную напряженность.

Эзотеризм как психическое расстройство

В истории западной культуры одним из способов снижения напряженности вокруг темы колдовства стал сдвиг к иному восприятию эзотеризма, который наблюдался на рубеже XVIII – XIX вв. под влиянием философских идей Просвещения. В это время эзотерические практики стали рассматриваться не столько как преступление, сколько как болезнь, прежде всего психическое расстройство. Отсюда вырастает второй вариант полемического антиэзотерического дискурса, который в России оформился по преимуществу в советское время и предполагает рассмотрение эзотеризма как болезни, проходящей по ведомству психиатрии.

В Советском Союзе подобные идеи были инкорпорированы в общую систему карательной психиатрии, теоретический аппарат для которой был разработан психиатром Андреем Владимировичем Снежневским. Введенное им понятие «вялотекущей шизофрении» позволяло ставить этот диагноз буквально кому угодно. «Вялотекущая шизофрения», по существу, представляет собой гипотетическую разновидность шизофрении, протекающую без объективных симптомов – достаточно только наличия необычных взглядов на мир, снижения уровня социальной адаптации и других достаточно субъективных критериев.

Стоит отметить, что подобная практика не признается международными стандартами и не раз критиковалась как инструмент политизации психиатрии и превращения ее из медицины в инструмент борьбы с инакомыслящими. Подобный диагноз удобно ставить, например, политическим оппонентам, поскольку их оппозиционные взгляды по определению не являются общепринятыми, а выступления против правительства чреватые последствиями, снижающими успешность

социальной адаптации. То же самое относится к членам различных религиозных меньшинств и, конечно же, эзотерикам.

Несмотря на это, ошибочное рассмотрение эзотерических убеждений с нозоцентрических позиций, включая и гипердиагностику шизофрении, можно встретить и в современных публикациях российских психиатров. Некоторые из них заходят так далеко, что даже выдумывают для этого новые типы психиатрических синдромов. Так, в середине 1990-х гг. Б. С. Положий предложил экстравагантный термин «магифренический синдром», суть которого, по мнению его автора, сводится к тому, что «в мышлении начинают доминировать идеи и представления мистического содержания, противоречащие современным научным представлениям и не свойственные родной культуре» [Психиатрия 2011: 147].

Проблема с указанным определением состоит в том, что предлагаемые критерии для диагностики психиатрического расстройства, а именно «противоречие современным научным представлениям» и «не свойственность родной культуре», весьма относительны. Наука, например, имеет тенденцию эволюционировать, меняться с течением времени, и некоторые идеи, считавшиеся ранее ненаучными, могут в дальнейшем получить научное обоснование и наоборот. Это, в частности, произошло с гипнозом, акупунктурой, медитацией, йогой. То же самое относится ко второму критерию. Культура тоже меняется, на смену одним доминирующим представлениям могут приходиться новые, ранее считавшиеся маргинальными. Получается, что с точки зрения данного выше определения мы должны были бы квалифицировать в качестве патологии мистические переживания всех создателей мировых религий, например, Иисуса или пророка Мухаммеда, поскольку их содержание было весьма оригинальным и не свойственным родной для них культуре, нередко сопровождалось таинственными голосами, видениями и т. п. К тому же утверждение о чуждости магических представлений российской культуре – сильное преувеличение, поскольку в России они существовали на всем протяжении ее истории. Более того, Российская империя оказалась родиной таких ключевых для современного западного эзотеризма фигур, как Е. П. Блаватская, Г. И. Гурджиев, П. Д. Успенский, супруги Рерихи.

Таким образом, о нетрадиционности магических и, шире, эзотерических учений для российской культуры говорить не приходится.

Получается, что перечень представлений, которые авторы предлагают считать патологическими, оказывается произвольным и не соответствует принятым в современной психиатрии критериям. В. А. Жмуров, например, отмечает, что «объединять в понятие “синдром” столь разные вещи, как суеверия, навязчивые страхи неких потусторонних сил, возникающие у многих людей путем их индуцирования, проявления палеомышления, архаический бред, включая бред одержимости, с точки зрения психопатологии не может быть принято как корректное, так как психопатологические феномены более предпочтительно различать не по их содержанию, а по клинико-психопатологическим признакам» [Жмуров 2012]. Неудивительно, что в среде профессиональных психиатров термин «магифренический синдром» не получил широкого распространения, что не скрывает и сам его создатель, признающий, что данный синдром «мало известен во врачебных кругах» [Психиатрия 2011: 147].

Впрочем, проблема с подобными терминами не была бы настоящей актуальной, оставаясь она предметом академических дебатов. Однако, переходя в плоскость практики, соответствующий подход становится обоснованием карательной психиатрии. Например, в 2016 г. был вынесен приговор «магистру магии вуду» из Екатеринбурга Антону Симакову, который был отправлен на принудительное психиатрическое лечение из-за публичного проведения магического обряда, в котором использовалась христианская религиозная атрибутика. Как отмечает ИА «Медуза»: «В середине апреля 2016 года Кировский районный суд Екатеринбурга (тот же, что выносил решение об аресте видеоблогера Соколовского) направил на принудительное лечение Антона Симакова, называющего себя “магистром магии вуду”. <...> Его проступок заключался в том, что в своем офисе Симаков совершил некий обряд, цель которого, по его словам, состояла в магическом воздействии на власти Украины. В обряде использовались кукла вуду, кровь жертвенного животного, а также предметы православного культа – погребальный покров, венчик, который надевают на покойников в церкви, печатный экземпляр разрешительной молитвы, которая

читается в церкви во время отпевания, и небольшой деревянный крест. Ранее Симаков в присутствии журналистов совершал публичный обряд жертвоприношения, обезглавив петуха. Еще он вешал на мосту чучело украинского президента Петра Порошенко, объясняя свой поступок тем, что ему нужно было «уничтожить украинского президента» [Челищева 2016].

Хотя поведение Симакова, вне всякого сомнения, было достаточно экстравагантным, простой экстравагантности поведения явно недостаточно ни для заведения уголовного дела, ни для направления на принудительное лечение.

Эзотеризм как опасное заблуждение

Следующая стратегия антиэзотерической полемики характеризует эзотеризм как опасное отклонение от нормы, заблуждение с позиции нормативного дискурса – сциентистского или религиозного. В зависимости от того, в рамках какого дискурса выстраивается антиэзотерическая полемика, эзотеризм может характеризоваться как вредное суеверие со сциентистских позиций или, с точки зрения консервативно-религиозного дискурса, как «ересь», «духовная болезнь», «прельщение».

Первый вариант данной стратегии играл центральную роль в Советском Союзе и по-прежнему широко распространен в России. Его можно увидеть в советских работах, посвященных эзотерическим учениям, в которых они разоблачаются как феномен, характерный для несоциалистических обществ и отражающий их болезненные, аномальные социальные, экономические и политические системы. Хотя марксистский пафос в аналогичных современных публикациях сходит на нет, критический элемент иногда напрямую переносится из советских текстов. Разоблачительный пафос, оценивающий эзотеризм как вредное суеверие, имеет на сегодняшний день наибольший вес и презентуется с особой резкостью в рамках научно-популярного дискурса и в форме так называемой «борьбы с лженаукой».

Второй вариант исходит из консервативно-религиозной риторики и предлагает рассматривать эзотеризм не просто как пустую веру,

но как опасное духовное явление, вредное как для индивида, так и для общества в целом, разрушающее духовные скрепы, духовные основы общества. Эзотеризм при этом оценивается как «бесовщина», «прельщение» или «ересь». Несмотря на кажущееся отличие религиозного варианта антиэзотерической полемики от сциентистского, они тесно связаны исторически. Развившись из церковной полемики против ересей, аргументы против магии были использованы в Новое время протестантами, критиковавшими «магические» элементы католицизма, а впоследствии приняты на вооружение авторами эпохи Просвещения, которые стали использовать их против всех явлений, не вписывающихся в новую сциентистскую картину мира.

В российских реалиях религиозный вариант данной стратегии также оказывается тесно связан с советской традицией «борьбы с суевериями». От советского прошлого она наследует не только конкретные полемические аргументы, но и сращивание антиэзотерической полемики и антивестернизма. Симптоматичен в этом отношении вышедший в 2016 г. мультфильм «Дети против волшебников», финансированием которого занимался «Благотворительный фонд помощи и взаимодействия имени преподобного Сергия Радонежского» при поддержке Министерства культуры РФ и Госфильмофонда. Главными злодеями в нем представлены «маги и волшебники» из «Академии оккультных наук» в Шотландии, которые по сюжету совместно с войсками НАТО готовят вторжение в Россию и используют российских детей-сирот для опытов по преодолению так называемой «русской защиты», которая состоит в приверженности православии и традиционному укладу жизни. Главными же положительными персонажами оказываются суворовцы и генерал ФСБ, руководящий «отделом, изучающим методы тоталитарных сект и оккультных групп, угрожающих национальным интересам России».

Хотя подобные проявления выглядят порой достаточно комично, следует признать, что они отражают некоторые идеологические течения в современном российском обществе. Практическое следствие реализации подобного подхода на правовом уровне состоит в том, что эзотеризм оказывается в одном ряду с такими явлениями, как курение табака, гомосексуализм и продукция эротического содержания,

которые не запрещены сами по себе, но рассматриваются российскими законодателями как нежелательные и поэтому подлежащие широкому спектру ограничений. Конкретно это может выражаться в попытках введения возрастных ограничений на соответствующие материалы и запрета на рекламу эзотерических услуг. Применительно к эзотеризму оба подхода в настоящее время реализуются в России лишь эпизодически, но вместе с тем они то и дело перемещаются с периферии в центр общественных дискуссий.

Эзотеризм как нормальное явление

Помимо полемических дискурсов в России существуют и инклюзивные дискурсы, которые предполагают возможность включения эзотерических учений и практик в правовое поле в качестве нормального социального феномена. Однако голоса в пользу такого подхода в публичном пространстве практически не слышны. Две главные политические силы современного российского общества – сциентистская и консервативно-религиозная идеология – в настоящее время уверенно консолидируются, при прочих разногласиях, в критике эзотеризма. Неудивительно, что в этих условиях эзотерики, стремясь выработать стратегии легитимации, пытаются вписаться в состав других, более приемлемых в социуме областей. Таких областей прежде всего три: народная медицина, психология и религия – но каждая из них, как показывает практика, в равной мере может выступать не только способом легитимации, но и инструментом правового давления на эзотерические группы. В данном разделе мы рассмотрим каждую из этих стратегий, ее ограничения и реакцию государственных структур на соответствующие попытки легитимации.

Занятия народной медициной в России регулируются в первую очередь ст. 50 ФЗ-323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Согласно этому закону, народный целитель может осуществлять свою деятельность на основании разрешения, выданного органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья. Стоит оговориться, что п. 1 этой статьи

прямо подчеркивает, что услуги «окультино-магического характера» и «религиозные обряды» не являются народной медициной. Таким образом, регистрация лиц, оказывающих эзотерические услуги, не является необходимой на территории Российской Федерации, если они не оказывают медицинских услуг, но становится обязательной, если те оказываются. В последнем случае наличие подобного документа служит одновременно и инструментом легитимации своей деятельности. Однако даваемые законом определения размыты, многое в них остается не вполне понятным. В частности, дискуссионным оказывается вопрос о том, где пролегает граница между «народной медициной» и «услугами окультино-магического характера», например, является ли народной медициной практика «биоэнергетического лечения»? Это, в свою очередь, оставляет потенциальную возможность использовать этот закон *ad hoc*, обвиняя неугодные группы или индивидов в незаконной медицинской деятельности.

Например, в 2006 г. за незаконную медицинскую деятельность была ликвидирована организация «Духовное возрождение северян», которая проводила групповые медитации и распространяла индийское учение «Сант мат». Именно практика групповой медитации была интерпретирована судом как незаконная медицинская деятельность, хотя в заключении, выполненном религиоведом С. И. Иваненко, отмечалось, что деятельность организации носит «духовно-просветительский» характер [Иваненко 2006].

Подобная условность границ оставляет широкие возможности для пересмотра статуса эзотерических практик. Например, весной 2017 г. депутат Виталий Милонов внес проект закона об уголовной ответственности за незаконные занятия магией и целительством, предлагая считать «окультиные услуги» медицинской деятельностью и наказывать за них как за незаконное занятие народной медициной [Полянская 2017]. И хотя понимания парламентариев эта инициатива не встретила, она свидетельствует о том, что данная стратегия легко может выступать как способ правового давления на людей, занимающихся эзотерическими практиками.

Второй путь легитимации эзотеризма в России пролегает через сферу психологии. В целом этот путь представляется исторически

оправданным, учитывая, что история психологии неразрывно связана с ее происхождением из практик, прежде относимых к эзотерическим. Более того, для некоторых современных направлений психологии, таких как телесно-ориентированный подход, гипнотерапия, юнгианский и трансперсональный подходы такое соединение остается вполне органичным – главное, чтобы человек, претендующий на статус психолога, имел психологическое образование.

Однако далеко не все рассматривают этот процесс в нейтральном ключе: нередко встречается мнение, что «эзотеризм» как бы автоматически исключает психологический компонент из соответствующих практик. Например, в статье РБК от 29 мая 2017 г. со ссылкой на газету «Известия» сообщается, что на базе межфакультетской рабочей группы в МГУ при участии Центра экстренной психологической помощи МЧС России идет разработка законопроекта, который призван «определить сферу ответственности психологов». Сам по себе этот проект, на первый взгляд, не связан с антиэзотерической полемикой, однако разговор моментально переходит из обсуждения проблем психологии в России в русло антиэзотерической полемики. Директор центра, кандидат психологических наук Юлия Шойгу, в частности, отмечает в этой статье: «...на рынке психологической помощи распространены услуги сомнительного происхождения – экстрасенсорика, магия, парапсихология, которые никакого отношения к психологии не имеют» [Шойгу рассказала 2017]. Остается открытым вопрос о том, как этот закон будет реализован на практике. Вполне возможно, что он лишь ограничит деятельность людей без диплома психолога, но, судя по сопровождающей его подготовку риторике, может оказаться, что он станет инструментом атаки на психологов-эзотериков.

Третий путь легитимации эзотеризма в России состоит в легализации эзотерических групп в качестве религиозных. Следует оговориться, что этот вариант приемлем лишь для тех сообществ, которые сами рассматривают себя как последователи определенных религиозных учений, что применимо далеко не для всех эзотерических групп. К сообществам, в которых эзотеризм и религиозность неразрывно связаны друг с другом, относятся, например, некоторые неоязыческие объединения. Однако в других эзотерических сообществах эзотерические

концепции и религиозность существуют как бы параллельно друг другу, и эзотеризм не рассматривается как религиозная установка. Помимо этих объективных ограничений, вытекающих из самой природы эзотеризма как внерелигиозного феномена, который лишь иногда сочетается с религиозным измерением, в современных условиях оказывается, что присвоение той или иной деятельности статуса «религиозной» может использоваться и как инструмент правового давления – например, через понятие «миссионерской деятельности».

Таким образом, устойчивых механизмов легитимации эзотерических сообществ в России и их конструктивной интеграции в общественную жизнь на данный момент де-факто не существует. Конечно, эзотерические сообщества в России не запрещаются, однако они существуют как бы в «подвешенном» состоянии.

С одной стороны, у эзотериков остается целый ряд вариантов оформления собственной деятельности. Те, кто связан с оказанием каких-либо эзотерических услуг за деньги, сегодня имеют возможность зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей или юридических лиц. С другой стороны, любая подобная организация может быть объявлена «мошеннической», «экстремистской», «наносящей вред психическому и физическому здоровью граждан». Не существует отработанных механизмов защиты прав граждан, подвергающихся подобному преследованию, а эзотерические организации существуют, таким образом, на полуправильном положении.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что большинство существующих в современной России моделей репрезентации эзотеризма в публичных дискурсах являются полемическими и нацелены на его критику. Немногочисленные попытки интеграции эзотерических сообществ в нормальную социальную жизнь остаются по преимуществу эпизодическими усилиями и не создают общей картины, а существующие стратегии легитимации эзотерических сообществ являются одновременно и даже в большей степени инструментом давления на них.

Подобная ситуация, в свою очередь, порождает целый ряд социальных проблем. К ним можно отнести линчевание предполагаемых колдунов, применение карательной психиатрии, маргинализацию эзотерических сообществ, вынужденный уход в теневой сектор экономики профессиональных эзотериков, обусловленный колоссальным давлением и отсутствием каких-либо механизмов защиты собственных прав.

В то время как специалисты, занимающиеся изучением эзотеризма, в массе своей не разделяют гиперкритический пафос в его отношении, понимая сложность этого культурного феномена и предпочитая его нейтральное и объективное рассмотрение, общественное мнение во многом остается в плену концепций, рассматривающих эзотеризм как явление маргинальное, вредное, не имеющее культурной ценности. СМИ, в свою очередь, охотно воспроизводят эти представления, поскольку они являются источником провокационных и привлекательных для аудитории заголовков.

Из этого следует, что перед исследователями эзотеризма лежит значительный массив просветительской работы. Недостаточно заниматься анализом природы западного эзотеризма и его историей. Необходимо критически анализировать стереотипы массового сознания об эзотеризме с позиций научных знаний, ставить перед собой просветительские задачи, решение которых поможет формированию более взвешенного отношения к западному эзотеризму, его истории и месту в культуре, а вместе с тем и снижению социальной напряженности вокруг этой непростой и эмоционально заряженной темы.

ЛИТЕРАТУРА

Жмуров 2012 – *Жмуров В. А.* Магифренический синдром // *Жмуров В. А.* Большая энциклопедия по психиатрии. 2012 // [URL]: <https://vocabulary.ru/termin/sindrom-magifrenicheskii.html> (дата обращения: 21.01.2019).

Иваненко 2006 – *Иваненко С. И.* Характер учения и соответствующей ему практики движения «Сант мат» («Путь мастеров») в РФ, включая организацию «Духовное возрождение северян» // Портал Credo.ru. 01.03.2006 // [URL]: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=40954> (дата обращения: 21.01.2019).

Колдовство, сглаз, порча 2016 – Колдовство, сглаз, порча: навстречу Хэллоину 2016 // ВЦИОМ. 31.10.2016. Пресс-выпуск № 3233 // [URL]: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115928> (дата обращения: 21.01.2019).

Милашина 2006 – *Милашина Е.* Нормально, Григорий? Прокуратура справится с Грабовым до второго пришествия // Новая газета. 10.04.2006. № 26 // [URL]: <http://2006.novayagazeta.ru/nomer/2006/26n/n26n-s01.shtml> (дата обращения: 21.01.2019).

Панин 2017 – *Панин С. А.* Эзотеризм, религия и наука в истории западной культуры // *Magnum Ignotum*. Т. 5: алхимия, магия, оккультизм / Под ред. И. П. Давыдова. М.: Кастилия, 2017. С. 86–120.

Полянская 2017 – *Полянская Я.* В России объявляют охоту на ведьм // Свободная пресса. 19.05.2017 // [URL]: <https://svpressa.ru/society/article/172728/> (дата обращения: 21.01.2019).

Предсказания, колдовство, спиритизм 2015 – Предсказания, колдовство, спиритизм... – верить или не верить? // ВЦИОМ. 30.10.2015. Пресс-выпуск № 2964 // [URL]: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115446> (дата обращения: 21.01.2019).

Психиатрия 2011 – Психиатрия: национальное руководство / Под ред. Т. Б. Дмитриевой и др. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011.

Спецназ нагрязнул 2016 – Спецназ нагрязнул к предсказательнице вторжения рептилоидов // НТВ. 20.02.2016 // [URL]: <http://www.ntv.ru/novosti/1607683> (дата обращения: 21.01.2019).

Тимошкина 2015 – *Тимошкина Е.* Профессия «колдун», суть – мошенник // Pravda.Ru. 16.12.2015 // [URL]: <https://www.pravda.ru/society/how/defend-rights/16-12-2015/1285665-medvedev-0> (дата обращения: 21.01.19).

Федорова 2017 – *Федорова А.* Депутат из Ленобласти предложил создать комитет магии и легализовать колдунов // Life. 13.02.2017 // [URL]: <https://life.ru/t/life78/972786> (дата обращения: 21.01.2019).

Челищева 2016 – *Челищева В.* Оскорбление чувств верующих. Кого в России судят за обряды вуду и нападения на Будду // Meduza. 06.09.2016 // [URL]: <https://meduza.io/feature/2016/09/06/oskorblenie-chuvstv-veruyuschih> (дата обращения: 21.01.2019).

Шойгу рассказала 2017 – Шойгу рассказала о работе над законом о деятельности психологов // РБК. 29.05.2017 // [URL]: <http://www.rbc.ru/society/29/05/2017/592ba4c79a7947a3fd44a5f2> (дата обращения: 21.01.2019).

Bailey 2017 – *Bailey M.* Magic: The Basics. New York: Routledge, 2017 (Google Books edition).